

Василий Ильич Экземплярский

**Евангелие и общественная
жизнь**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э36

Э36 **Экземплярский В.**
Евангелие и общественная жизнь / Василий Ильич Экземплярский – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 69 с.

ISBN 978-5-521-39110-3

ISBN 978-5-521-39110-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вѣчества. Но это—не общецерковное рѣшеніе вопроса. Церковь, конечно, по принципу въ правѣ отвѣчать благословіемъ на проклятіе, но вопросъ теперь идетъ не объ этомъ, въ церковномъ благословіи не нуждается громадное большинство тѣхъ, которые идутъ подъ флагомъ социаль-демократіи, и если газеты сообщали о радости Жореса по случаю звона колоколовъ во время процессіи, то быть можетъ подобная радость могла бы скорѣе всего заставить умолкнуть колокола. Вопросъ идетъ о томъ, придется ли церкви всегда оставаться лишь въ положеніи зрителя человѣческихъ страданій и горя, и неправды, не наступитъ ли такая пора, когда горе міра и его болѣзни не только увидитъ священникъ—а онъ всегда видитъ его больше всѣхъ другихъ и прежде другихъ,—но и пожалѣетъ скорбящаго, возьметъ горе его на свои плечи и понесетъ въ церковь. И священнику въ этомъ поможетъ левитъ, а самарянинъ невѣрующій, когда увидитъ такую любовь и жертву, преклонится передъ святостью подвига во имя Христа и скажетъ, подобно своимъ духовнымъ предкамъ, что не на основаніи словъ вашихъ вѣруемъ во Христа, но сами познали, что воистину творите вы дѣло Божіе. Наступитъ ли такое время, можетъ ли оно наступить? Есть ли въ христіанствѣ данныя для того, чтобы церковь, вѣрная Евангелію, могла дѣятельно участвовать въ рѣшеніи т. н. социального вопроса, чтобы она могла освѣщать свѣтомъ небснаго ученія многообразныя стороны общественной жизни, являться въ мірѣ этомъ воинствующей за правду, осуждающей зло, благословляющей добро, поддерживающей слабыхъ? Теперь сдѣлалось широко распространеннымъ, прямо-таки всеобщимъ, обвиненіе церкви въ равнодушіи къ людскому горю и нуждѣ, въ безучастіи къ формамъ общественной жизни и человѣческихъ отношеній и даже въ благословіи всего того, что фактически царитъ въ мірѣ, независимо отъ согласія этихъ господствующихъ началъ съ началами любви и вѣры евангельской. Насколько эти обвиненія справедливы въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, говорящихъ отъ лица церкви, и насколько эти же обвиненія не-

справедливы въ отношеніи цѣлой церкви вселенской, я старался показать въ теченіе всей своей преподавательской и богословско-литературной дѣятельности. Но теперь рѣчь не объ этомъ. Не обвинять я хочу историческую церковь и не защищать ее отъ обвиненій, но поставить вопросъ принципиально и посмотреть, можетъ ли Евангеліе и вообще христіанство явиться основой для рѣшенія соціального вопроса такъ же, какъ оно должно являться основой для личнаго спасенія, личнаго совершенствованія. Позволю себѣ еще яснѣе намѣтить центральный тезисъ своего доклада.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что христіанство религія глубоко интимная, индивидуальная. Именно христіанство возвысило личность на недостижимую высоту религіознаго сознанія своего сыновства Богу; именно христіанство уничтожило всякія перегородки между Богомъ и людьми и возвѣстило свободу человѣка и отъ рабства людямъ, и отъ рабства закону. Всюду Евангеліе обращается къ личности, всюду говоритъ объ ея совершенствованіи, какъ пути въ Царство Божіе, и о послѣднемъ, какъ внутреннемъ достояніи человѣческаго сердца. Сказать поэтому, что христіанство—религія индивидуальная въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, какъ утверждающая безконечную цѣнность человѣческой личности,—сказать это значитъ выразить одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ евангельской проповѣди. Но слѣдуетъ ли отсюда, что признать это значитъ сказать все и на этомъ основаніи не допускать, чтобы христіанство по природѣ своего нравственнаго ученія не только имѣло въ виду отдѣльную личность и давало ей идею личнаго совершенствованія, но и общество, указывало также и нормы общественнаго развитія? Для нашего времени противоположность между личностью и обществомъ не представляется настолько несоединимой, чтобы мы не могли во всеобъемлющей религіи мыслить высшій синтезъ личнаго и общественнаго. Для нашего времени, особенно послѣ глубокаго освѣщенія вопроса у В. С. Соловьева, дѣло идетъ не о принципиальной возможности мыслить христіанство и индивидуальнымъ и соціальнымъ

одновременно, но о дѣйствительномъ содержаніи Евангелія, о тѣхъ идеяхъ, какія оно положило въ основу новаго порядка міровой жизни, имѣющей преобразиться въ Царство Бога. И въ этомъ случаѣ моей задачей является показать, что христіанство по природѣ своей нравственной проповѣди обнимаетъ не только личность, но и общество, и Евангеліе является не только свѣтомъ, освѣщающимъ путь личнаго совершенствованія, но и пробнымъ камнемъ качества существующихъ формъ общественной жизни и общественныхъ отношеній. Я не считаю своей задачи легкой и не потому, что въ наукѣ нашей наиболѣе горячо, въ большинствѣ случаевъ, отрицается существованіе соціальной программы въ Евангеліи. Научный споръ—дѣло не трудное. Здѣсь всегда возможно воспользоваться и личной слабостью противника, защищающаго самую несомнѣнную истину, и толкованія отдѣльныхъ мѣстъ Евангелія такъ разнообразны, что всегда возможно на основаніи отдѣльныхъ, отрывочно взятыхъ евангельскихъ словъ защищать совершенно исключаютъ другъ друга утвержденія. Нѣтъ, трудность защиты поставленнаго мною тезиса не въ анализѣ евангельскаго текста и не въ борьбѣ съ односторонне-аскетическимъ направленіемъ богословія, но эта трудность зависитъ отъ той исторической перспективы, въ какой всѣ мы неизбежно воспринимаемъ христіанство. Почти двѣ тысячи лѣтъ сіяетъ на землѣ свѣтъ Христовъ. Можетъ быть передъ лицомъ временъ, положенныхъ Отцомъ по Своей власти въ отношеніи міровой жизни, эти двѣ тысячи лѣтъ какъ день одинъ. Но для насъ, сравнительно съ быстротечностью нашей индивидуальной жизни, со всѣми ея стремленіями, надеждами и трудами, этотъ періодъ времени—великая книга исторіи и источникъ поученія въ воспоминаніи прошедшаго, какъ говоритъ библейская мудрость. И вотъ, если мы „помянемъ дни древніе“, оглянемся назадъ и бросимъ самый бѣглый взглядъ на міровую жизнь, то безспорно столкнемся съ однимъ поражающимъ фактомъ: въ области общественныхъ отношеній представители исторической церкви шли всегда позади соціальныхъ завоеваній гу-

манизма. Въ то время, какъ никто не будетъ имѣть смѣлости отрицать, что христіанская церковь дала міру великихъ людей, примѣры истинной святости и высокой духовной красоты, то до нашихъ дней мы не имѣемъ ясно реализованныхъ въ мірѣ формъ христіанской общественности, если исключить короткую эпоху зари церковной жизни. Самая организація церковной жизни и т. н. церковнаго управленія до такой степени отражаетъ на себѣ черты собственно человѣческихъ устоевъ общественности и такъ мало имѣетъ специфически христіанскихъ элементовъ, что едва ли будетъ дерзостью сказать, что въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ мы не имѣемъ даже подлинно удачнаго опыта организаціи общественной жизни на евангельскихъ началахъ. Мнѣ очень хотѣлось бы ослабить силу своего утвержденія и услыхать доказательство его ошибочности, но, насколько мнѣ лично извѣстна исторія и судьба разныхъ попытокъ создать собственно христіанскія формы общественной жизни, всѣ эти попытки не имѣютъ безспорнаго права претендовать на то, чтобы признать эти опыты организаціи общественной жизни на новыхъ началахъ специфически христіанскими. Я не говорю уже о томъ, что иногда своекорыстные служители церкви не только не шли на встрѣчу завоеваніямъ гуманизма, согласнымъ съ духомъ Евангелія, но всячески ратовали противъ нихъ. Вопросъ теперь не о человѣческомъ предательствѣ, но о чистой идеѣ; не объ измѣнникахъ своей вѣры или ея безсознательныхъ извратителяхъ, но объ искренно стремившихся создать или по крайней мѣрѣ предначертать новыя формы общественной жизни на основѣ Евангелія. Гдѣ причина этого неуспѣха, этой „неудачи“ христіанства? Если причина этого въ томъ, что Евангеліе не даетъ своихъ идей для устроенія общественной жизни, что оно имѣетъ въ виду только личность и игнорируетъ общественность, то, конечно, христіанство исключительно индивидуально по природѣ своей проповѣди, вся правда тогда на сторонѣ индивидуалистическаго пониманія Евангелія, когда послѣднее представляется только проповѣдью личнаго совершенствованія, не включаю-

щей въ себя сферы общественныхъ отношеній и тѣмъ болѣе не дающей критерія для оцѣнки формъ общественной жизни. И наоборотъ: если Евангеліе имѣетъ свои идеи устроения общественной жизни и если оно никогда не выдѣляетъ личности изъ среды общества; если эти идеи только еще не получили видимой реализаціи въ міровой жизни,—то тогда передъ христіанами и христіанской наукой открывается необозримое поле дальнѣйшаго развитія человѣческой общественности въ направленіи реализаціи евангельскихъ началъ во всѣхъ областяхъ міровой жизни и міровой культуры.

Теперь, думается мнѣ, ясно выступаетъ поставленная мною себѣ задача и намѣчается тотъ путь, какимъ можно идти къ ея рѣшенію. Путь этотъ одинъ—ученіе Евангелія, а не жизнь христіанская, не путь исторіи. Этотъ послѣдній путь можетъ поставить новый вопросъ передъ нашимъ сознаніемъ и потребовать съ нашей стороны объясненія, почему онъ оказался такимъ соблазнительнымъ въ отношеніи проникновенія общественной жизни христіанскимъ духомъ, если бы удалось доказать, что христіанство соціально по содержанію своей проповѣди. Но обзорѣніе этого пути не можетъ, какъ ясно изъ сказаннаго, послужить само по себѣ исходнымъ началомъ для рѣшенія поставленной задачи. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ считаю нужнымъ сдѣлать небольшое ограничительное замѣчаніе по поводу рѣшительнаго моего отказа отъ попытки рѣшать затронутый мною вопросъ на исторической почвѣ, чтобы не показалось, будто бы я отрицаю вліяніе историческаго христіанства на общественную жизнь. „*Царство Божіе не приходитъ примѣтнымъ образомъ*“. Это—законъ Божьяго Царства въ его отношеніи къ личной жизни человѣка; то же самое и въ жизни общественной. Мы не имѣемъ яснаго критерія для того, чтобы судить о сравнительной нравственной высотѣ личности и всегда можемъ утверждать, что эта высота—условная и понятіе святости—относительное, что безконечно далеко каждому христіанину до реализаціи въ своей жизни евангельскаго ея идеала. И какъ приходитъ къ человѣку Царство Божіе, какими органами своей души онъ

воспринимаетъ евангельское слово, какими источниками питается сѣмя этого ученія въ сердцѣ человѣка и возрастаетъ въ немъ, мы не знаемъ и никогда не узнаемъ. Подобное можно сказать и относительно цѣлаго христіанскаго общества. Видимъ мы жизнь его, имѣемъ всѣ данныя утверждать, что не реализованы въ этой жизни начала евангельской правды, но насколько въ жизнь общества уже укоренилось евангельское сѣмя, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ тѣ великія слова, съ какими идетъ въ міръ современный гуманизмъ: свобода, равенство и братство—слова очень хорошо знакомыя христіанскому слуху. И когда воинствующій гуманизмъ упрекаетъ церковь и христіанство въ противообщественности, то не поставитъ ли въ затрудненіе самый гуманизмъ такой вопросъ: откуда же собственно взяты гуманизмомъ эти слова, выражающія самыя великія христіанскія истины? Одно, впрочемъ, я утверждаю, то именно, что Царство Божіе, царство правды, любви и свободы въ жизни общества также можетъ приходить непримѣтнымъ образомъ: мы не знаемъ тѣхъ путей, какими коллективная совѣсть человѣчества воспринимаетъ сѣмя истиннаго ученія о жизни, и тѣхъ источниковъ, питающихся которыми, это сѣмя возрастаетъ и создаетъ гуманнѣйшій прогрессъ. Такимъ образомъ я не считаю невозможнымъ и въ изученіи путей историческаго развитія человѣчества отыскивать слѣды вліянія на жизнь міра и организацію общественныхъ отношеній евангельскихъ идей и доказывать этимъ путемъ, что христіанство не только индивидуально, но есть сила и социальна творческая. Однако, лично я отказываюсь отъ этого пути, потому что для моего сознанія болѣе ясно величайшее несогласіе современныхъ формъ общественнаго быта христіанъ съ духомъ Евангелія, чѣмъ прогрессъ этихъ формъ по сравненію съ древними. Оптимистическій прогнозъ въ такомъ направленіи меня мало привлекаетъ, а громадная сложность историческаго матеріала очень легко допускаетъ возможность и возводитъ на почвѣ извѣстнаго толкованія фактовъ исторіи самыя разнообразныя постройки, и разрушать завтра то, что построено сегодня... Итакъ, я обращаюсь къ евангель-

скому учению, какъ выраженію абсолютной истины, и приложу всѣ усилія къ тому, чтобы останавливаться не на тонкостяхъ толкованія отдѣльныхъ словъ и фразъ, но на такихъ сторонахъ евангельскаго ученія, которыя могутъ быть признаны безспорными въ пониманіи различныхъ до противоположности богословскихъ направленій и тѣмъ болѣе согласно понимаемыми въ ученіи авторитетныхъ представителей древней вселенской церкви.

Когда принципиально ставится вопросъ, какимъ по своему содержанію является извѣстное этическое ученіе—индивидуалистическимъ или социальнымъ, то естественно искать отвѣтъ на подобный вопросъ въ томъ, гдѣ полагается это ученіе верховный идеалъ жизни и какое указываетъ для нея основное практическое начало. То же вполнѣ приложимо и къ христіанству: отъ отвѣта его на вопросъ о томъ, какое начало является практической основой христіанской жизни и въ чемъ полагается ея верховный идеалъ зависеть и нашъ долгъ отнести христіанскую проповѣдь къ классу индивидуалистическихъ или социальныхъ этическихъ ученій.

Было бы только утомительно, по существу же излишне доказывать, что основнымъ началомъ христіанской жизни — является начало любви. Это несомнѣнно для каждого, кто хотя бы случайно познакомился съ содержаніемъ любого новозавѣтнаго писанія. И если это безспорно такъ, если любовь является основнымъ началомъ христіанской нравственной жизни, то мы въ правѣ сразу характеризовать христіанское нравственное ученіе, какъ социальное по самой его природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни различно пониманіе чувства любви, сколь ни различное содержаніе вкладывается въ это широкое понятіе, но одно всегда несомнѣнно: чувство любви неотдѣлимо отъ живого стремленія къ предмету любви, къ единенію съ нимъ. Это стремленіе находитъ свое выраженіе во всѣхъ формахъ любви безъ исключенія, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высокихъ, отъ чисто животныхъ до чисто духовныхъ. Въ отношеніяхъ людей не только рукопожатія, поцѣлуи, объятія служатъ необходимымъ внѣшнимъ выраженіемъ

любви, но стремленіе къ единенію съ любимымъ захватываетъ всѣ наши чувства до возможности какъ бы отождествленія себя съ любимымъ ¹⁾. Такъ, можно гордиться успѣхомъ любимаго, какъ своимъ собственнымъ, что особенно ярко сказывается въ материнской любви; можно страдать отъ неудачи въ жизни любимаго, радоваться его радостью, чувствовать стыдъ за его дурные поступки. Самое специфически-христіанское сознаніе своей виновности въ грѣхѣхъ ближняго и личной отвѣтственности за этотъ грѣхъ, сознаніе, достигшее высшаго выраженія въ лицѣ безгрѣшнаго Сына Человѣческаго, составляетъ также одно изъ проявленій истинной и глубокой любви. И ясно, что то ученіе, которое основнымъ началомъ жизни признаетъ любовь, неизмѣнно всегда выражающуюся въ живомъ и непобѣдимомъ стремленіи къ предмету любви, такое ученіе никогда не можетъ быть по существу индивидуалистическимъ, ставить цѣлью жизни совершенствованіе личности, изолированной отъ другихъ, но непремѣнно должно исповѣдовать, что *хорошо и радостно жить братьямъ вмѣстѣ*. Это положеніе мнѣ было бы очень легко развить и обосновать, но я думаю, что оно ясно само по себѣ и достаточно характеризуется тѣми немногими словами, какія были сказаны, и еще несомнѣнноѣ станетъ, если прибавить къ сказанному, что и дѣйствительно, верховной цѣлью человѣческой жизни, тѣмъ безгранично высокимъ идеаломъ, передъ лицомъ котораго эта жизнь должна протекать, является наше единеніе съ Богомъ, а въ Немъ и съ міромъ всѣхъ разумныхъ существъ. Любовь къ Богу—это первая заповѣдь истинной религіи, и насколько любовь неотдѣлима отъ стремленія къ любимому, настолько несомнѣнно, что высшее благо для вѣрующаго, цѣль его жизни, счастье послѣдней и ея полнота въ живомъ общеніи съ любимымъ, съ Богомъ. „*Что ми есть на небеси и отъ Тебе чесо восхотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя,*

¹⁾ Подробное выясненіе этой стороны въ ученіи о любви можно читать въ изслѣдованіи проф. И. В. Попова „Естественный нравственный законъ“.

Боже сердца моего и часть моя, Боже во вѣкъ“. Итакъ, прежде всего идеаломъ христіанскаго совершенства является не изолированное въ принципѣ развитія личности, но ея живое общеніе съ Богомъ. Въ этомъ же и первое коренное отличіе христіанскаго совершенства, какъ цѣли жизни, отъ того совершенства, какое ставится цѣлью жизни въ индивидуалистической этикѣ. *„Не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“*. Такъ говорилъ о себѣ апостолъ Павелъ. И никогда ни одинъ христіанинъ, жившій религіозной жизнью, искренно не усвоялъ себѣ ни одного добраго движенія своей души, ни одной жертвы, ни одного подвига, но все возводилъ къ Богу, все полагалъ во Христѣ. *„Мы совершенны въ Немъ“*, говоритъ апостолъ. Мы святы Его святостью, мы любимъ Его любовью, мы блаженны Его всеблаженствомъ. И святость, и блаженство—все не въ христіанинѣ, но въ Богѣ, въ общеніи съ единымъ Святымъ и единымъ Блаженнымъ. Это ученіе можетъ показаться невѣрующему страннымъ и даже нелѣпымъ, но и невѣрующій не можетъ отрицать, что это дѣйствительно христіанское ученіе. Итакъ, верховная цѣль человѣческой жизни въ общеніи съ Богомъ. *„Отче Святой, —молился Христосъ Спаситель въ Своей первосвященнической молитвѣ, —соблуди во имя Твое тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, чтобы они были едино, какъ и Мы... Не о нихъ же только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ. Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино... Я въ нихъ и Ты во Мнѣ; да будутъ совершенны во едино... Отче, Я хочу, чтобы тѣ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, были со Мною тамъ, гдѣ Я... Я открылъ имъ имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ“*. Вотъ слова Того, Кто есть первый и послѣдній въ христіанствѣ, алфа и омега его. И конечно, послѣ этого не нужно распространяться о томъ, что христіанство социальное по своей проповѣди и существу своей жизни. Евангеліе утверждаетъ личность и въ Богѣ и въ человѣкѣ, но цѣль жизни и благо личности видитъ не въ ея изолированности, но въ свобод-

номъ любящемъ общеніи личностей какъ въ Богѣ, въ Лицахъ Св. Троицы, такъ и въ общеніи съ Богомъ человѣка. Думаю, что все это безспорно, хотя еще не полнота отвѣта на нашъ вопросъ. Когда мы говоримъ „соціальный“, то необходимо мыслимъ общественность въ смыслѣ единенія людей, человѣческихъ интересовъ, земного общества. А пока рѣчь была о Богѣ и человѣкѣ въ его отношеніи къ Богу. Скажу теперь и объ отношеніяхъ человѣка къ человѣку въ христіанствѣ.

Если утверждать, что по христіанскому ученію любовь къ Богу стоитъ въ неразрывной связи съ любовью къ людямъ, то это значитъ повторять азбучную истину, которую прекрасно знаетъ ученикъ начальной школы. Слова апостола, что всякій не любящій брата, но говорящій о своей любви къ Богу—лжець, это такое яркое выраженіе вѣры въ неразрывность любви къ Богу и людямъ, усиливать которое, разумѣется, излишне. Но именно какъ азбучная истина это утвержденіе о неразрывной связи въ христіанствѣ между любовью къ Богу и людямъ настолько широко въ своемъ содержаніи, настолько разносторонне, что когда отъ повторенія словесной формулы приходится обратиться къ ея анализу, то дѣло оказывается далеко не настолько простымъ, чтобы можно было успокоиться на одномъ фактѣ неразрывности любви къ Богу и ближнимъ и на основаніи этого факта, констатируемаго апостоломъ, объявить христіанскую проповѣдь соціальной по ея природѣ. Свой анализъ названнаго свойства христіанской любви я очень ограничу, соотвѣтственно прямой задачѣ своего доклада, и остановлюсь лишь на одной сторонѣ въ ученіи Евангелія о любви къ Богу. Но и при такой ограниченной постановкѣ, мнѣ кажется, станетъ несомнѣннымъ, какою глубиной, поражающей силой выраженія и почти ужающей безграничностью характеризуется евангельское ученіе о любви къ Богу, какъ начало христіанской жизни. Ограничусь я лишь указаніемъ на одну сторону всякой любви, а въ томъ числѣ, и особенно даже, любви религіозной,—это на